

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИНГУЛЯТИВОВ: ДИАХРОНИЯ

Вопрос о статусе сингулятивов, или «единичных» существительных, не является в науке дискуссионным, хотя сказать, что в нем присутствует хотя бы относительная терминологическая ясность, к сожалению, нельзя.

Более-менее однозначной является область определения этого понятия: производные слова, как правило, с суффиксом *-ин-* или *-к-* (или с сочетанием этих суффиксов), обозначающие предмет, выделенный из массы однородных.

Невозможно, однако, не упомянуть, что иногда единичными называют также слова, обозначающие уникальные предметы (те, которые в действительности существуют в единственном экземпляре (что само по себе не очень последовательно, ведь тогда стоит считать какой-то отдельной группой и слова, называющие то, чего нет даже в единственном экземпляре, а ведь такого много))¹, а слово «сингулятив» иногда употребляют как синоним к *singularia tantum*².

Тем не менее в абсолютном большинстве работ, в которых упоминается термин «сингулятив», он все же называет именно слова типа «горошина» или «снежинка». О месте же этой группы в системе языка, как правило, не говорится вовсе ничего. Индуктивно, т. е. без специально прописанной классификации, по месту описания группы, можно выделить следующие типы позиционирования сингулятивов: разряд существительных по значению³, разновидность конкретных существительных⁴, словообразовательный тип внутри категории собирательности⁵, словообразовательная категория⁶, модель (группа? тип?) внутри категории «единичности-множественности»⁷.

¹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 130–131.

² Хафизов Р. И. Стилистические особенности употребления существительных *singularia tantum* во множественном числе в татарском и русском языках (на материале художественных текстов) // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртэнэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань, 2006. Т. I. С. 133–135.

³ Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд. М., 2002.

⁴ Клубуков Е. В. Лексико-грамматические группы имен существительных // Лекант П. А., Гольцова Н. Г., Жуков В. П. и др. Современный русский литературный язык: учебник для филологических специальностей пед. институтов / Под ред. П. А. Леканта. М., 1988. С. 181–182. В отдельный лексико-грамматический разряд сингулятивы в этом учебнике не выделяются, что представляется совершенно справедливым, поскольку никаких заслуживающих выделения в отдельную группу грамматических особенностей у них нет. В учебнике под редакцией В. А. Белошапковой (Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997) о единичных существительных вообще ничего не говорится как об отдельной группе.

⁵ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 207–208 (раздел «Словообразование»; в разделе «Морфология» среди лексико-грамматических разрядов единичные также не перечисляются); Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984; Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). АҚД. Л., 1984 (при этом категория собирательности позиционируется как архаичный этап развития категории числа, когда она была словообразовательной); Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 473 (при этом сама категория собирательности позиционируется как «понятийная категория», внутри которой деривация, как правило, происходит в направлении единичное → собирательное, но иногда и собирательное → единичное, т. е. «единичными» называются в таком контексте не только производные слова).

⁶ Трубицина И. А. Словообразовательная категория имен существительных со значением единичности в современном русском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. Ставрополь, 2006.

⁷ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 130–131. Категория здесь в принятом у Шахматова понимании термина — достаточно широким и не имеющим конкретной дефиниции — наравне с категорией «единичности-множественности» речь идет о категории «собирательности», «уменьшительности» и пр.

При этом обращает на себя внимание, что эта сравнительно небольшая группа слов становится объектом исследования (пусть не основным) довольно часто и исследования эти зачастую интересны и конструктивны. Поэтому представляется возможным подробно не останавливаться на критике и истории вопроса, а присоединиться к тем исследователям, которые считают сингулятивы словообразовательным типом.

Однако с точки зрения моделирования словообразовательной системы существительных в истории русского языка важно определить также, словообразовательным типом какой словообразовательной категории является эта группа слов. Этот вопрос подробно разработан В. И. Дегтяревым, но как раз в этом аспекте, несмотря на общий высокий уровень и тщательность исследования, присоединиться к его выводам представляется совершенно невозможным, поскольку он утверждает, что исходно это словообразовательный тип категории числа, которая для древнего периода является словообразовательной, а с развитием языка становится словоизменяющей (грамматической). Вопрос о месте этого типа в современной словообразовательной системе, где категория числа — словоизменяющая, а сингулятивы по-прежнему образуются, В. И. Дегтярев не рассматривает.

Согласиться с такой трактовкой невозможно по двум причинам: во-первых, потому, что в нее укладывается только один из этапов существования продуктивного словообразовательного типа, а во-вторых, потому, что принципиально неверной представляется трактовка категории числа как словообразовательной. Словообразовательные и словоизменяющие явления, связанные с числовой оппозицией существительных, непротиворечиво и без остатка делятся на две разные категории — словообразовательную и словоизменяющую, и действие обеих категорий хорошо просматривается и для периода древнерусской письменности, и для периода современного языка⁸.

Вместе с тем представляется несомненным тот факт, что образование сингулятивов связано с количественной семантикой. Представляется принципиальным употребление именно слова «образование», потому что в случае с сингулятивами семантика «цельности/дискретности» проявляется именно в соотношении понятий, называемых производящим и производным, а не только в одном или только в другом (как, например, при образовании *pluralia tantum* типа «сани»). Другими словами, если в случае со словами типа «сани» изменение числовой парадигмы является формальным выражением значения дискретности (внутренней множественности) в производном слове, то в случае с сингулятивами суффикс *-ин-* является формальным выражением того, что недискретная (либо нейтральная по отношению к дискретности/недискретности) реалитя, называемая производящим словом, мыслится как дискретная, обобщенная, нуждающаяся в конкретизации и мотивирует этой дискретностью образование слова с конкретной, а не отвлеченной семантикой.

Наиболее архаичный⁹ и по сей день самый распространенный формант, с помощью которого образуются сингулятивы, это *-ин-*. В контексте определения статуса сингулятивов как феномена системы языка вопрос о том, следует ли считать его в чистом виде суффиксом или суффиксоидом, происходящим от слова *инѣ*, представляется второстепенным, хотя и интересным. Думается, что при абсолютной идентичности значений выделяемого по сей день суффикса *-ин-* и слова *инѣ* — «один, некий, определенный, другой», наряду с их формальной идентичностью, предположить их генетическую взаимосвязь вполне естественно. Достаточно наглядно наличие этого форманта, например, в словах «*одинѣ*» или «*инокѣ*» (построение, абсолютно параллельное слову «*монахѣ*»).

Более важным в данном случае является то, что привлечение исторического материала, как это и было ожидаемо, дало возможность говорить о том, что наблюдающаяся в современной

⁸ Об этих категориях и их соотношении см.: Конявская С. В. Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония. М., 2004.

⁹ Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). С. 11; Трубицина И. А. Словообразовательная категория имен существительных со значением единичности в современном русском литературном языке. С. 30.

словообразовательной системе омонимия суффиксов *-ин-* с различными словообразовательными значениями, судя по всему, так же как и в случае с собирательными существительными¹⁰, является результатом процесса специализации значений (как лексических, так и словообразовательных). Восходят же они к одному форманту, характеризующему более обобщенным значением, обратным тому, которое характеризует суффиксы *-j-*, *-ije-*, *-ств-* и их сочетания. Если с помощью последних в слово привносилось общее значение отвлеченности с теми или иными нюансами, то формант *-ин-*, очевидно, привносил в производное слово общее значение конкретности, так же расслоившееся позднее на несколько различных словообразовательных значений, каждое из которых, однако, продолжает характеризоваться наличием компонента «конкретность».

С точки зрения симметрии системы особенно красиво то, что и все те значения, на которые расслоилось значение суффиксов *-j-*, *-ije-*, *-ств-*, продолжают характеризоваться наличием компонента «отвлеченность».

Такая симметрия не может не наводить на мысль о подтягивании фактов под красивую теорию, однако именно для того, чтобы избежать такого эффекта в обоих случаях — и при анализе «собирательных», и при анализе «сингулятивов» на материале языка древнерусской письменности — была выбрана следующая методика: из Словаря древнерусского языка выписывались подряд все существительные с суффиксом *-ин-*, а затем полученная выборка анализировалась с точки зрения возможности разбить ее на группы по значениям, привносимым этим суффиксом. Попытка такого разделения не увенчалась успехом: на явно выраженные группы дериваты с суффиксом *-ин-* не делятся, а общий компонент в их значениях достаточно явно просматривается.

В то же время очевидно, что говорить о том, что дериваты с суффиксом *-ин-* на период XI—XIV в. характеризуются словообразовательным значением единичности, нет серьезных оснований, это было бы явной натяжкой.

Многие исследователи вслед за Ю. С. Азарх¹¹ критерием для отнесения дериватов к группе сингулятивов считают производность от собирательных. В. И. Максимов¹² это ограничение усугубляет, противопоставляя сингулятивы и образования на *-ин-* типа *русинь*, *чудинь* — «со значением единичного лица». Такие ясные формальные признаки в качестве основания для выделения группы, казалось бы, весьма убедительны. Однако необходимо вспомнить, что с группой собирательных существительных в языке древнерусской письменности дело обстоит не совсем так же, как в современном языке: значение собирательности у суффиксов *-j-*, *-ije-*, *-ств-* развивается постепенно из синкретичного значения отвлеченности¹³ (или, как называет это значение В. И. Дегтярев, «синкретичного значения, соединявшего идею пространства, предметных множеств и качества»¹⁴) и лишь для очень небольшого числа слов, таким образом, можно говорить о том, что они — *собирательные*, не опасаясь фактора наложения современной интерпретации. Кроме этого, выделение на достаточно нетвердом основании небольшой группы, нестрого противопоставленной другим словам аналогичного строения, влечет за собой предположение об омонимии суффиксов, что крайне нежелательно, поскольку омонимия как явление, тем более для древнего периода, нуждается в очень строгом объяснении.

Представляется методически целесообразным исходить все же из того, что изначально *-ин-* — это один суффикс с одним, но очень обобщенным значением (В. И. Дегтярев формулирует его как «значение отношения, принадлежности, причастности, но также и выделенности из целого»¹⁵):

¹⁰ Конявская С. В. Собирательные существительные в русском языке: синхрония и диахрония // Е. Ф. Карский и современное языкознание. Материалы X Международных Карских чтений. Гродно, 2005. Ч. 2. С. 39–44; Она же. Феномен собирательных существительных в истории русского языка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 45–52.

¹¹ Азарх Ю. С. К истории сингулятивов в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1973. С. 65–92.

¹² Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975. С. 164.

¹³ Конявская С. В. Собирательные существительные в русском языке: синхрония и диахрония; Она же. Феномен собирательных существительных в истории русского языка.

¹⁴ Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). С. 11.

¹⁵ Там же.

Половина (и полъ), полтина — ‘денежная единица, равная половине рубля’ (и полъть — ‘половина мясной туши’), месачина ‘налог, выплачиваемый помесечно’ (и месачь), година (и годъ), осенина (и осень), попинъ (и попъ), овъчина (и овъца), оленина — ‘оленья шкура’, осетрина (и осетръ), осмина — ‘мера сыпучих тел, равная одной восьмой части кади’ (и осмь — ‘восемь’), медовина — ‘хмельной напиток из меда’, одрина — ‘хлев, сарай, жилье, изба’ (и одръ — ‘ложе, спальня, скамья’), обринъ (и обры — этноним).

Очевидно, что по соотношению значений производящей и производной основ эти пары явно неоднородны. Некоторые из них образуют вполне привычно воспринимающиеся словообразовательные цепочки с мутационными словообразовательными значениями, хотя чисто сингулятивным значением¹⁶ из приведенных пар характеризуется все же только обры/обринъ (т. е. как раз те, которые В. И. Максимов отнес бы к «образованиям со значением единичного лица»). Некоторые кажутся абсолютно синонимичными: поп/попинъ, годъ/година, полъ/половина. Тут важно не попасть под влияние современного языка, где слово година обозначает тяжелый и глобальный период — как правило, о войне или каких-то других затяжных несчастьях.

Суффикс *-ин-* в современном языке вообще весьма активен именно в модели экспрессивной деривации со значением увеличительности: домина, котина, колбасина, гвоздина. Очевидно, что в этом значении есть компонент, ‘выбывающий из нормы’, т. е. опять же ‘не как все, выделенный, другой’. Нельзя не признать, что связь с сингулятивностью есть, хотя на современном этапе это, безусловно, отдельная модель.

В то же время анализ контекста употреблений слов попъ, попинъ, год, година, осень, осенина, весна, веснина, полъ, половина не дает возможности уверенно говорить о том, что в производные синонимы вкладывалось (во всяком случае, последовательно) какое-то особое значение. И в этом смысле толкование Словаря Срезневского, в котором, в отличие от Словаря древнерусского языка XI–XIV в., осенина толкуется не как ‘осень’, а как ‘осеннее время, осенний период’, кажется все же некоторой натяжкой. Может, и так, а может, и нет.

Каждый, кто работает с памятниками древнерусской письменности, хорошо понимает, что даже те тексты, которые не связаны между собой генетически, все равно характеризуются настолько сильным взаимовлиянием, что говорить об установлении оттенков значения с помощью контекстуального анализа можно только в отдельных случаях невероятного везения, когда контекст оказывается очень ярким и абсолютно однозначным. В тех же случаях, когда оттенки значения вообще не касаются денотата, даже безупречный контекст является доказательством достаточно слабым. Большая часть контекстов, в которых встречаются слова с суффиксом *-ин-* и слова без этого суффикса, абсолютно одинаковы, и любые предположения о том, чем руководствовался автор (или переписчик) при выборе из этих слов (даже если провести текстологический анализ и выяснить, кто из них это слово выбрал), будут крайне ненадежны.

Возьмем вполне ясный и однозначный случай осетръ/осетрина:

А отъ Лучина три гривны урока, и двѣ лисици и осетръ. Уст. гр. Смол. 1150 г. **У**ре^а црѣ на^а птѣцами, а **у**сетръ на^а рыбами, а ле^в на^а зве^ми. Сл. Дан. Зат. Чтобы еси давалъ на всакїи годъ... въ Кириловъ монастырь... по два осетра живыхъ, да шестьдесятъ стерлядеи, да сто судоковъ, да сто лещовъ. Грам. кн. Мих. Андр. ок. 1460 г.¹⁷

приказо ѿ григориеѣ ко домѣнѣ послало късмо к тобѣ въдѣроко **у**сетринѣ. ГрБ № 259/265, к. XIV¹⁸.

И, для наглядности, случай с полъ и половина:

и разрѣзавъ лешнгии мои. **п**олъ себе **у**ставихъ. а **п**оловиною покрывъ тѣло стго погрѣбохъ. ПрЛ 1282, 66б.; нъ **п**олъ нощи доволѣтъ ти на слоужбоу твою. и дроугоую **п**оловиною на покои тѣлоу ПНЧ 1296, 117¹⁹.

¹⁶ Заметим, кстати, что сингулятивное словообразовательное значение в чистом виде (горох — горошина, снег — снежинка) — модификационное!

¹⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. II. Ч. 1. Стб. 717.

¹⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VI. М., 2000. С. 160.

¹⁹ Там же. Т. VII. М., 2004. С. 75.

Конечно, это варианты крайние: в первом случае разница абсолютно очевидна, во втором — абсолютно очевидно, что ее нет и выбор продиктован просто личным вкусом пишущего — не использовать в одном предложении два раза одно и то же слово. Разумеется, такого рода контекст не может быть серьезным аргументом.

Что же касается контекстов употребления, например, слов *осень* и *осенина*, то они не дают критерия для разграничения значений, но и не дают оснований для утверждения об их тождественности. Судя по приведенным в словарях контекстам, было не принято в указании времени преставления кого-либо использовать слово *осенина* (в отличие от времени походов, которое обозначается обоими словами), но этот вывод скорее анекдотичен и наверняка случаен. Более правдоподобно, что именно слово *осень*, а не *осенина* используется при перечислении сезонов. Это совершенно логично, поскольку контекст предполагает своего рода терминологичность, точность названия, и в нем неуместно слово с модификационным словообразовательным компонентом в значении, даже если это всего лишь оттенок.

Контексты употребления словъ *попъ* и *попинъ* дают чуть более прорисованную, но все же не очень четкую картину. В контекстах, где человек говорит о себе или о другом конкретном человеке, фигурирует слово *попинъ* и гораздо реже — *попъ* (само по себе употребление немаркированного с точки зрения конкретности или сингулятивности слова с соответствующим номинативным значением совершенно нормально в любом контексте — на то оно и немаркированное), в значении же «попа» как феномена (сана), а не как конкретного человека в сане употребляется слово *попъ*. В Словаре древнерусского языка лишь один из приведенных примеров кажется неоднозначным, но эта неоднозначность уравнивается его традиционностью. Это приписка писца из Пролога «Лобковского»: *который попинъ бо бозазивьши прѣстоапно прѣстол(оу) поминаи. раба бѣжа захарию Прл 1282, 148 об.*²⁰ «Который попинъ» встречается также в приписке писца в постной Триоди: «Аз попин грешный Сава, а мирское имя Грьдин, написах книги сия святыма царьма Константина и Олены. А который попин станет по мне, да поминает мя просфорою в субот своего деля спасения»²¹. Аналогичных контекстов со словом *попъ* обнаружить не удалось.

Было бы нелепо утверждать, что различающее эти слова значение — сингулятивность.

Скорее, это значение можно сравнить со значением определенного артикля или со значением слова *инъ* («один, некий, определенный, другой»). Казалось бы, значения «некий» и «определенный» являются едва ли не противоположными, однако это как раз очень хорошо коррелирует с особенностями употребления определенных артиклей. Заметим, что *инъ* никогда не употребляется, например, в значении «любой». «Некий» здесь — скорее компонент значения, обозначающий отстраненность, а иногда и противопоставленность этому или этим **вполне определенным** лицам. «*Инии молвахут*» — если автор не уверен в источнике, «*инии*» оклеветали — если не хочется «показывать пальцем». Но в любом случае *инъ* или *инии* в значении «некий, некие» выражает скорее *неназванность*, чем *неизвестность*.

Сравнение с явлениями современного языка позволяет увидеть, что многочисленные оттенки этого достаточно диффузного значения легли в основу развития целого веера омонимичных суффиксов. Не находится параллели в современном языке, пожалуй, только для этого самого «артиклевого» значения, сохранившегося, видимо, только в экспрессивной деривации со значением усиления основного признака типа «гад — гадина», «мужик — мужичина», «дурак — дурачина».

Итак, если в современном русском языке по отношению к сингулятивам можно уверенно говорить о том, что они находятся в зоне действия словообразовательной категории «цельность — дискретность»: недискретный образ, выраженный вещественным существительным, мотивирующим тот или иной сингулятив, может мыслиться как дискретный, состоящий из однородных сегментов, и тогда образуется сингулятив — **горох → горошина, горошины** (очевидно, что чаще сингулятивы образуются от тех существительных, которые легче представить дискретными: скорее от **песок**, чем от **глина**, и скорее

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ Цит. по: Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т. III. Примечание 3. Прим. 111.

от **сахар**, чем от **масло**), то в языке древнерусской письменности картина иная. Производящие слова отнюдь не вещественные, и даже, как удалось ясно увидеть, не собирательные (*польъ, попъ, годъ, месѣць, осень, осетръ* и пр.), а производные отнюдь не называют нечто, являющееся частью производящего. Это скорее соотношение «сущность/явление», абстрактное/конкретное — ‘определенный поп’, ‘ежемесячный налог’, ‘мясо осетра’ и т. д.

Таким образом, в современном русском языке сингулятивы имеет смысл считать суффиксальными словообразовательными типами (отсубстантивным, отадъективным и, реже, отглагольным) внутри словообразовательной категории «цельность — дискретность», а на этапе языка древнерусской письменности, видимо, моделью, входящей в класс производных (преимущественно отсубстантивных) существительных со словообразовательным значением конкретности. Материал показал, что, аналогично ситуации с «собирательными» существительными, для этого периода нет четких формальных или семантических оснований для выделения их в отдельный словообразовательный тип.

С. И. Панова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ ДИАТАКСИСА ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ КОККИНА

В XIII—XIV в. Византия, а вслед за ней Болгария и Сербия переживают культурный подъем, затронувший разные области духовной жизни: богословие в виде учения монахов-исихастов, иконопись, литературу, книжный язык. Именно в это время в византийской Православной Церкви осуществляются литургические реформы и в процессе реформирования богослужебной практики в византийской Церкви принимается Иерусалимский Устав. Иерусалимский Устав появился в палестинских монастырях в X—XI в., в XI—XII в. он был переведен с греческого на сирийский, арабский и грузинский языки, а во второй половине XIII в. он становится основным регулятором богослужения в константинопольской и афонской монастырской и соборно-приходской практике. В то же время формируется соответствующий комплекс богослужебных книг — Минеи, Триоди, Октоих, Часослов, Служебник, Псалтырь, Типикон, Апостол и Евангелие, а также текст, устанавливающий последование литургии, — *Διάταξις τῆς Θείας Λειτουργίας*. Этот текст был составлен византийским патриархом Филофеем Коккиным в период 1364—1376 г., и к концу XIV в. он становится основным регулятором совершения литургии¹. Н. Ф. Красносельцев изучил известные греческие списки этого текста и опубликовал наиболее близкий, по его словам, к первоначальному тексту Диатаксиса список из библиотеки Ватопедского монастыря № 133 (744) XIV в., а также два списка из библиотеки Пантелеймонова монастыря № 421 1545 г. и № 435 XVI в.²

Новый Иерусалимский Устав получает широкое распространение на Афоне, где находилось большое количество как греческих, так и славянских монашеских центров. Изменения в византийской литургической традиции, связанные с переходом на новый устав, оказали влияние на славянскую литургическую традицию. На Афоне появляются первые славянские переводы Иерусалимского Устава: в начале XIV в. в Великой Лавре св. Афанасия старец Иоанн впервые, как считают исследователи, осуществляет перевод на болгарский язык нового комплекса богослужебных книг — Евангелия и Апостола,

¹ *Пентковский А. М.* Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 153—158.

² *Красносельцев Н. Ф.* Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустаго. Казань, 1889. С. 33—34.

